

Не могу забыть историю, которая произошла с моим отцом, Туриковым Валерием Ивановичем, когда он находился в частях Первого Украинского фронта.

— Однажды мы только позавтракали, встали из-за самодельных столов, — рассказывал отец, — уже потянулись к курилке, как ко мне, запыхавшись, подбегает старшина Евдокимов и, вытирая

носовым платком вспотевший лоб, говорит: «Туриков! Срочно поднимай бойцов и объяви, что через десять минут выступаем на прочёсывание леса».

Оказывается, в расположение войск недавно прибыло большое пополнение зенитчиков, и они по ошибке сбили американскую летающую крепость, экипаж успел на парашютах выброситься над

лесным массивом, и их необходимо срочно разыскать.

Место, куда прыгнули американские лётчики, точно никто не знал, поэтому было принято решение разделить на группы по пять человек и начать поиски союзников. Наверх, конечно, никто не стал сообщать, что произошло досадное недоразумение, так как вся война была сплошное недоразумение.

— Мы с моим другом Сашкой Орловым и ещё трое бойцов решили начать прочёсывание с брошенной деревушки, которая оказалась на полпути между нашими и немецкими позициями, — продолжал своё повествование отец. — Гитлеровцы так поспешно драпали, что деревню не успели сжечь, а наши части её из-за каких-то стратегических соображений не успели захватить. Заглянуть в деревню меня надоумил всё тот же Сашка Орлов, который, кажется, запах съестного чуял за версту.

— Слушай, Валера, американцы рано или поздно всё равно найдутся, а вот такой возможности подхарчиться у нас больше может не быть, — говорит он мне, когда мы вышли за околицу села.

— Твоя взяла, — отвечаю я ему и отдаю приказ двигаться в деревню.

Жители не стали испытывать судьбу и, всё побросав, убежали в лес, поэтому когда мы со всеми мерами предосторожности вошли в крайний двор, то, кроме мирно разгуливающих кур, не увидели никого. Вошли в дом, стали по

нему шарить, как вдруг один из солдат, выглянув в окно, закрычал мне шёпотом:

— Немцы!

Я выглядываю из окна и вижу небольшую группу немецких автоматчиков, которые ходят по дворам и заглядывают в укромные места, где куры могли снести яйца.

— Что, командир, делать будем? — спрашивает меня Сашка.

— Только не воевать, — отвечаю я ему. — Нас по голове никто не погладит за то, что мы самовольно отклонились с маршрута. Давай с бойцами забирайся на чердак, я ещё чуток послезу за немцами.

Сашка полез с солдатами прятаться, а я остался в роли наблюдателя. Но то ли отвлекся, когда разговаривал с Сашкой, то ли немец проскользнул под окнами, только через пару минут, когда я тоже собрался лезть на чердак, открывается дверь, и входит немец, примерно моего возраста парень. Мы с ним, можно сказать, столкнулись лоб в лоб, так что он от неожиданности остоленел. У меня на груди ППШ на боевом взводе, я нажимаю на спусковой крючок, но вместо громовой очереди слышу щелчок. В самый неподходящий момент перекосило патрон, и боёк щёлкнул вхолостую. Немец пришёл в себя, сорвал с плеча винтовку и вместо того, чтобы выстрелить в меня, кубарем выкатился на крыльцо и побежал на улицу. Почему он в меня не выстрелил, я так и не

пойму до сих пор. Думаю, что они были такими же, как мы, не самими дисциплинированными солдатами и тайком улизнули с позиций, чтобы полакомиться яйцами.

Через минуту я увидел, что немцы, перестав шарить по дворам, тревожно озираясь по сторонам, убегают в сторону своих позиций.

— Сашок, спускайтесь вниз, — скомандовал я. — Сейчас, похоже, концерт будет.

О происшедшем со мной я никому не стал рассказывать. Есть золотое правило: если один человек знает — это тайна, если два человека знают — уже половина тайны, а если трое узнают, то никакой тайны нет. Особый отдел на фронте зря хлеб не ел, за подобную оплошность можно было запросто угодить в штрафную роту.

Немцы из миномётов начали обстреливать деревню, и мы, чтобы спрятаться от разрывов, кинулись на задний двор, где стояла копна старой соломы. Сидим возле кучи и ждём, когда кончится миномётный налёт.

Вдруг один из бойцов по фамилии Конопухин мне говорит:

«Командир, я слышу, что рядом со мной пчёлы жужжат».

Никогда не унывающий Сашка Орлов услышал и сказал: «Не было бы счастья, да несчастье помогло. Мы, кажется, Валера, нашли спрятанную пасеку. Сейчас медком разживёмся».

Конопухин в мирной жизни оказался пчеловодом, и где-то через полчаса мы ели мёд, который он достал из рамок. Была мысль угостить весь взвод во главе со старшиной Евдокимовым, но не было никаких гарантий, что про мёд не узнает вышестоящее начальство.

Насытившись, я подал команду двигаться в сторону леса, чтобы создать видимость, что мы ищем союзников. Вернулись мы под вечер в штаб дивизии, где обсуждали свежую новость: американцев целыми и невредимыми нашёл на старом лесном кордоне бывший партизан Шаповаленко, который неделю назад был зачислен рядовым в наш взвод.

На ужине старшина Евдокимов предложил мне вторую кружку сладкого горячего чая, но я категорически отказался от угощения, вспомнив соты спелого золотистого мёда.